

**СПЕЦСЛУЖБЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» (2010 г.)**

В статье анализируется публицистический материал, опубликованный в журнале «Вопросы истории» (2010 г.), по истории спецслужб России в период XVIII–XIX вв. Автором дана оценка роли и эффективности спецслужб в Российском государстве.

Ключевые слова: Россия, спецслужбы, Департамент полиции, политический разыск, охранные отделения, МВД, перлюстрация, морская разведка, сионистское движение, еврейский вопрос, террор, экспроприация.

V.N. Dolbik

**PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA INTELLIGENCE SERVICE
ON THE PAGES OF “THE HISTORY ISSUES” JOURNAL, (2010)**

The journalistic material published in the “History Issues” journal (2010) on the Russian intelligence service history in the period of XVIII–XIX centuries is analyzed in the article. The assessment of the intelligence service role and efficiency in the Russian state is given by the author.

Key words: Russia, intelligence services, Police Department, political search, security offices, Ministry of Internal Affairs, perlustration, marine intelligence service, Zionist movement, Jewish problem, terror, expropriation.

Выявленный опубликованный материал в журнале «Вопросы истории» охватывает небольшой период: в незначительном объеме XVIII век, а в основном XIX век и начало XX века.

В академических исторических журналах редко появляются статьи аналитического характера о взаимоотношениях духовного сословия и служб безопасности дореволюционной России при осуществлении церковной политики светской властью. Фрагментарно этого вопроса коснулся в журнале «Вопросы истории» в своей статье В.В. Вяткин. Знакомя читателей с церковной политикой государства в период правления Анны Иоанновны, автор статьи отмечает, что данная политика была проникнута недоверием к духовному сословию, которое, в свою очередь, всячески демонстрировало свою преданность светской власти. При этом орудиями расправы, используемыми светской властью в отношении духовенства, являлись Синод и Тайная разыскных дел канцелярии (ТРДК). Автор не совсем последовательно раскрывает перипетии правительенного курса в данный период по отношению к церкви и духовенству. Так, он заключает, что к концу аннинского царствования супровость по отношению к духовенству пошла на спад, а главным источником милостей к нему являлась императрица. Чем же и кем было вызвано нередкое привлечение к разбору дел лиц духовного сословия ТРД канцелярии (и как при этом изменилась ее роль в последующем) об этом автор анализа не говорит [1, с. 91–94].

Вопросы полицейского надзора за россиянами в XVIII–XIX вв. нашли отражение в двух статьях А.С. Смыкалина и Н.В. Макаровой. А.С. Смыкалин дает краткий экскурс об особенностях перлюстрации корреспонденции в России XVIII–XIX вв., подчеркивая нарастание объема работы перлюстраторов со второй четверти XIX в., ограниченный штат которых в конце XIX в. успевал ежедневно ознакомиться с огромным числом писем как важных политических и общественных деятелей, так и крупнейших чиновников. Особенно тщательно проверялась переписка с людьми, живущими за границей [2, с. 41–44].

К сожалению, в статье отсутствует хотя бы краткий обзор действий и мер, предпринимаемых полицейскими органами, их отдачи и эффективности от использования сведений, полученных в результате тайного просмотра почтовых отправлений. Автор лишь констатирует, что все меры перлюстрации корреспонденции не предотвратили революции [2, с. 44].

В некоторой степени в диссонанс с содержанием статьи А.С. Смыкалина выглядят выводы в статье Н.В. Макаровой о полицейском надзоре при Николае I. Если А.С. Смыкалин отмечает, что перлюстрации подлежали письма многих лиц, в том числе и переписка персон, близких по двору, известных сановников, поэтов и писателей, то Н.В. Макарова считает, что тезис о полицейском государстве Николая I нуждается в уточнении (в направлении смягчения оценок), а полицейский надзор носил ограниченный характер и применялся в основном в отношении дворянства и чиновничества [3, с. 155–156]. Статья Н.В. Макаровой

дополняет сведения о структуре и характере полицейского надзора, которые, по ее мнению, остаются недостаточно освещенными в литературе. На наш взгляд, оба автора, в большей степени Н.В. Макарова, занижают весь масштаб полицейского надзора в России в период правления Николая I.

На наш взгляд, сама обстановка в стране после выступления декабристов, широкое, длительное распространение либеральных, освободительных и всякого рода идей преобразований задолго до начала правления Николая I, а также сложная международная обстановка и определенное потеснение позиций российской дипломатии и другие факторы, вынуждали к усилению полицейского политического режима в стране.

В журнале в двух статьях кратко затрагивается участие МВД при переселении иностранцев в Россию. Роли МВД при переселении немцев на Кавказ касается статья Т.Н. Черновой-Дёке. Автор отмечает «некоторую несогласованность действий центральных и местных властей», причем, «действий звеньев одной цепи», проявленную в первое время при водворении немецких переселенцев в Грузии, в том числе и со стороны МВД. В дальнейшем МВД прилагало усилия к обустройству колоний, что в определенной степени способствовало достижению заметного благосостояния колонистами [4, с. 94–95, 103].

В статье А.В. Тихоновой рассматривается политика российских властей в первой половине XIX в. в отношении иностранных иммигрантов, в основном из Швейцарии. Пребывание иностранных колонистов в России при Александре I и Николае I курировало и МВД, которое уделяло внимание к привлечению иностранцев, проводило подготовительную работу к их размещению, определяло правила их водворения и пребывания в России [5, с. 85–88].

Статьи Т.Н. Черновой-Дёке и А.В. Тихоновой не раскрывают конкретной деятельности чинов МВД России среди иностранных иммигрантов на всех этапах решения данного вопроса.

Не обойдена журналом «Вопросы истории» и такая больная проблема, как отношение ряда чинов полиции, МВД, правительства к еврейскому вопросу, что находит частичное и неполное отражение в двух статьях за 2010 г.

Статья А.Т. Безарова на примере киевского генерал-губернаторства раскрывает неоднозначную позицию некоторых чинов полиции, МВД России к еврейскому вопросу и еврейским погромам в начале 1880-х гг. Как видно из статьи, часть полицейских киевского генерал-губернаторства стремилась не допустить погромных выступлений и пыталась их предотвратить. Товарищ министра внутренних дел Черевин телеграфировал киевскому генерал-губернатору А.Р. Дрентельну отправить войска в г. Тальное, где по информации МВД ожидался погром. Из статьи явствует, что еврейский вопрос в Киеве осложнялся ситуацией нелегального временного пребывания евреев в городе, «что фактически создало целую сеть взяточничества в среде киевской полиции» (нахождение евреев оказывалось возможным благодаря определенным их «взносам» полицейским) [6, с. 147].

В целом автор статьи позицию Дрентельна в еврейском вопросе и его отношение к погромам четко и в полном объеме не изложил. Вывод: посылка же автора о том, что «активная позиция Дрентельна в еврейском вопросе была с пониманием встречена в высших правительственныех кругах, что позволяет рассмотреть ее в контексте общей государственной политики» [6, с. 147], не подкреплена соответствующим материалом, его анализом и обобщением. Поэтому вряд ли стоит хоть как-то отождествлять, что иногда, противоречи себе, делает автор, особую и жесткую позицию Дрентельна в еврейском вопросе с политическим курсом российского правительства в целом, как и всего спектра российского консерватизма того времени. Не ясен в статье и правительственный курс в еврейском вопросе, что частично признается и самим автором на примере Юго-Западного края, ситуация в котором требовала «решительных и в то же время политически продуманных действий, которых, к сожалению, в арсенале государственной политики к тому времени не оказалось» [6, с. 151]. Это еще раз заставляет обратить внимание на то, в какой сложной обстановке, без четких ориентиров приходилось работать полицейским, в данном случае по еврейскому вопросу.

Интерес представляет статья А.Е. Локшина о начале становления международного сионистского движения, в котором с самого начала российская ветвь, по его мнению, стала ведущей. Сионистское движение, набиравшее силу, вызвало замешательство местных полицейских структур и чинов: они ставили перед высшим полицейским руководством России один и тот же вопрос: как относиться к новому движению среди евреев? Но они не могли получить четкого ответа, так как этот вопрос долго обсуждался в Департаменте полиции, МВД, Министерстве иностранных дел. В 1902 г. власти дали согласие на проведение легального российского съезда сионистов в Минске, рассчитывая, что дебаты на нем помогут окончательно определиться в проведении политики к сионизму в целом. В конце июня 1903 г. губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам был разослан секретный правительственный циркуляр за

подписью министра внутренних дел В.К. Плеве «О сионизме и еврейском национальном движении». Согласно этому документу, любая сионистская деятельность в империи, не направленная на эмиграцию евреев, запрещалась [7, с. 66]. Дух этого документа, на наш взгляд, говорит о том, что правительство и МВД не смогли детально вникнуть в суть сложившегося вопроса и предложить, в том числе полицейским структурам, систему мер, направленную на смягчение ситуации вокруг еврейского вопроса в России. И в дальнейшем они не имели четких ориентиров и не могли определенно направить работу государственного аппарата управления в данном вопросе.

Статья И.В. Зимина знакомит с жизненным путем генерала П.А. Черевина, игравшего на протяжении 30 лет ключевую роль в личной охране российских императоров Александра II и Александра III. Автор замечает, что 1879–1880-е гг. были тяжелым временем для силовых структур империи. Он останавливается на вопросах как их реорганизации, так и системы охраны первых лиц государства, показывая при этом роль Черевина в организации и деятельности служб государственной охраны Российской империи [8, с. 130–131]. Правда, автором статьи обойдены вопросы о событиях 1 марта 1881 г., связанных с убийством Александра II и причинах непредотвращения этого, в том числе об усилиях и стараниях недопущения подобного исхода событий со стороны Черевина.

Темы о тайных сотрудниках Охранного отделения касаются в своей статье о Б.И. Николаевском Ю.Г. Фельштинский и Г.И. Чернявский. Ими отмечено, что Николаевский обнаружил в бумагах Департамента полиции доказательства того, что видный большевистский руководитель, член ЦК, депутат IV Думы Р.В. Малиновский являлся тайным сотрудником Охранного отделения [9, с. 23]. В статью внесена корректировка взглядов Николаевского о провокаторстве Азефа. Уже после 1932 г., когда Николаевский выпустил свою крупную монографию о провокаторстве Азефа, он уточнил, что Азеф не являлся провокатором в прямом смысле слова, а был полицейским агентом, аккуратно докладывавшим подробную информацию о всех готовящихся терактах [9, с. 30]. Опубликовать же дополненное издание работы об Азефе Николаевский не успел.

Авторы публикации выделяют осторожную, с соблюдением величайшей серьезности отношения к документальному материалу, позицию, которую занимал Николаевский и в вопросе о связях Сталина с охранными службами империи. Вместе с тем он пришел к твердому выводу о подложности знаменитого письма А.М. Ерёмина [9, с. 39]. Подобная позиция Николаевского способствовала тому, что американский советолог А. Дон Левин, опубликовавший письмо А.М. Ерёмина, нехотя признал возможность того, что у «ереминского документа» может оказаться «сомнительное происхождение» [9, с. 39, 45]. Ю.Г. Фельштинский и Г.И. Чернявский напомнили, что все те несообразности в «ереминском документе», на которые обратил внимание Николаевский, полностью подтверждены известным исследователем политического сыска в России З.И. Перегудовой [9, с. 40].

В статье И.А. Вербы о В.Л. Бурцеве наличествуют сведения о царской охране, ее агентах, в том числе за рубежом, о разоблачении В.Л. Бурцевым «шпионов и провокаторов царской охранки»: Азефа, Гартинга, Жученко и др.

О том, какими же мотивами морально-психологического плана руководствовался В.Л. Бурцев в своей многолетней, напряженнейшей разоблачительной деятельности, насколько она имела значение, оправдание в смысле служения России (и какой России?) и в свое время и на перспективу, всегда ли и насколько были адекватны его разоблачительные сведения, автор статьи, к сожалению, не проанализировал данный спектр вопросов и даже не высказал своих соображений по ним. Желательно было бы уточнить, дополнить в статье и о позиции бывшего директора Департамента полиции А.А. Лопухина при разоблачении Азефа: причинами какого свойства он при этом руководствовался. Тем более, что в литературе встречается и несколько иные свидетельства об обстоятельствах причастности Лопухина к разоблачению Азефа [10, с. 154–155].

Картина разыгравшихся революционного террора и актов экспроприаций в Поволжье в годы Первой русской революции и их отголоски вплоть до 1913 г. представлена в статье В.Н. Кузнецова. В ней в некоторой степени передается несобранность, неподготовленность губернских жандармских управлений к подобному исходу событий, и даже растерянность, охватившая их на первых порах. Но все же с разбушевавшейся стихией охранным отделениям, хоть и с трудом, удалось справиться. Автор, правда, не обрисовывает подробно то, какими методами, приемами это удалось осуществить. Несколько более других освещается в этот период деятельность местного охранного отделения под руководством А.П. Мартынова [11, с. 32–35].

События революции 1905–1907 гг. в России и последующих лет заставляют задуматься об оценке всех предшествующих проведенных реорганизаций розыскной полиции, их эффективности и даже простой отдаче.

Краткие сведения о зарождении и становлении (1895–1917 гг.) отечественной морской радиоэлектронной разведки (РЭР) содержатся в статье В.Г. Кикнадзе. Впервые элементы радиоразведки были применены в Русско-японской войне 1904–1905 гг., но, как замечает автор, она все же не оказала существенного влияния на исход войны, а в последующем недооценка высшим военным и государственным руководством возможностей радиотехники и РЭР сдерживала организационное становление морской радиоразведки [12, с. 75]. Это, на наш взгляд, в какой-то степени негативно сказалось на ее работе и в годы Первой мировой войны, что язвует и из статьи автора [12, с. 76–77].

Рецензент книги В.Г. Кикнадзе «Невидимый фронт войны на море. Отечественная морская разведка в первой половине XX века» С.Л. Печуров отмечает, что в тех немногих изданиях, которые вышли в свет по горячим следам дальневосточных событий, связанных с Русско-японской войной 1904–1905 гг., деятельность русской военной разведки «оценивалась преимущественно негативно, несмотря на отдельные достижения» [13, с. 171].

Символично ли, но случайно выбранный автором данной статьи журнал «Вопросы истории» за 2010 год для обзора-анализа опубликованных материалов о спецслужбах дореволюционной России завершает краткая, но значимая и яркая по оценкам статья В.С. Измозика, который предпринял попытку рецензии воспоминаний чинов политического розыска Российской империи начала XX века, занимавших высокие посты в данной системе.

Все мемуаристы – А.Т. Васильев, А.В. Герасимов, К.И. Глобачёв, В.Ф. Джунковский, П.П. Заварзин, К.Д. Кафафов, А.П. Мартынов – в свое время являлись либо начальниками столичного охранного отделения, либо директорами (или вице-директором) Департамента полиции, либо товарищами министра внутренних дел. В 1905–1917 гг. из семи авторов четверо служили начальниками охранных отделений, а трое – занимали важнейшие посты в центральном аппарате МВД, руководя Департаментом полиции и Отдельным корпусом жандармов [14, с. 150].

В.С. Измозик, рецензируя мемуары, выделяет объединяющее всех авторов стремление понять причины краха империи. Им выделяется, что главными виновниками краха авторы воспоминаний довольно дружно считают либеральные и высшие военные круги, а также они указывают на слабость верховной власти [14, с. 151]. На наш взгляд, лавру первенства виновности стоит все же отнести на счет верховной власти, неудовлетворительно подготовившей страну к войне, неизбежность которой предвидело немало политических и государственных деятелей России, пытаясь ее предотвратить. Однако их усилия, как и части дипломатического ведомства (в котором не было полного единства по вопросам внешней политики и предстоящей войны), в том числе и заграничного корпуса, были нейтрализованы.

Всплеск недовольства верховной властью со стороны либералов и новых выдвинувшихся высших военных чинов произошел именно на почве крайне неудовлетворительной подготовки армии к войне, поражениями на театре военных действий. Конечно, либералов захлестнули чувства, но военные честно защищали страну в войне и были обеспокоены ее судьбами, испытав на себе всю цену заявлений и их превратностей о готовности России воевать.

В годы же войны, как отметил и сам рецензент, ссылаясь на К.И. Глобачёва, правительство проявляло слабость и неспособность, не сумело выдвинуть в последние два года на пост министра внутренних дел «ни одного хоть сколько-нибудь талантливого и твердого политического деятеля, способного остановить это злое дело», имея в виду подготовку лидерами прогрессивного блока так называемого «дворцового переворота». О нарастании широкого недовольства в столице, о назревании «анархической революции», свидетельствующих о глубоком социально-экономическом и политическом кризисе накануне 1917 г., лица с высокими властными полномочиями, в том числе и сам царь, как отмечает В.С. Измозик, предупреждений слушать не желали. В число этих лиц, по его мнению, входили сами руководители Министерства внутренних дел. Сама же деятельная опора царского двора была узка [14, с. 152–153].

Обращает на себя внимание то, что часто в литературе выпячивается одно из звеньев, в том числе и роль прогрессивного блока в ухудшении политической ситуации в столице в годы войны (1915 г. – начало 1917 г.). Не снимая вины с либералов, нам бы хотелось подметить, что их движение использовалось для нагнетания страстей силами, которые политические спецслужбы не смели выявить и поставить заслон и им и оппозиционерам.

Можно согласиться с рецензентом мемуаров в том, что выделенные в них реплики, мнения, выводы, замечания дают ему основание утверждать о глубине политического кризиса в начале XX в. [14, с. 153]. От себя добавим, что он носил всеобъемлющий характер и начал зарождаться еще до организационного оформления и либерально-оппозиционного и революционно-социалистических движений в России. Кризис набирал настолько стремительные обороты, что в конце в концов сложилась такая морально-

психологическая атмосфера, когда, по словам К.И. Глобачёва, «не только общественность, но даже правительственные органы, сами министры, военная власть, представительные органы, правительственные органы и даже лица, окружавшие государя, борьбе с всенарастающим революционным движением не только не сочувствовали, но, наоборот, одни сознательно, а другие бессознательно толкали Россию в пропасть» [14, 152].

Здесь уместно было бы добавить, что сочувствие проявлялось не только к революционному, но практически к любым критически оппозиционным настроениям и движениям самого широкого диапазона. Можно ли было этого избежать илинейтрализовать или хотя бы хоть как-то ослабить? Содержание статьи В.С. Измозика убеждает в том, что навряд ли. Можно в какой-то степени оспорить приведенное в статье мнение В.Ф. Джунковского о том, что Февраль 1917 г. нужен был «кучке людей кадетской партии и примыкающим к ней прогрессистам», а также социалистам, но нельзя не признать правоту его несколько чрезмерно жесткого сурогового вывода-приговора, что с 1915 года Россия «ничем уже не сдерживаемая, а подхлестываемая подонками общества и управляемая ничтожествами, полетела в бездну» [14, с. 151].

Предотвратить подобный исход событий уже не в состоянии были и политические спецслужбы России, и статья В.С. Измозика убеждает в этом читателей. Во-первых, Департамент полиции (ДП) не играл никакой самостоятельной роли. Во-вторых, здесь не сосредоточили главное внимание на серьезном изучении всех политических течений, «самом широком и основательном знакомстве с политическим настроем страны», а разменивались на мелкую работу, а потому были бессильны в борьбе с бурно надвигающейся политической катастрофой [14, с. 151]. В-третьих, центральное руководство аппарата по политическому розыску недостаточно было осведомлено о происходивших в стране политических процессах. В-четвертых, денежных средств на усиление политического розыска ДП выделял недостаточно. В-пятых, руководители Министерства внутренних дел в годы Первой мировой войны часто сменялись (этот пост последовательно занимали 6 человек), они или не имели необходимого опыта работы и знаний, в том числе в политических вопросах, или не проявляли интереса к политическому состоянию России и общественным настроениям, или игнорировали письменные и устные доклады Охранного отделения и Департамента полиции, даже их отменяя, или совершенно не подходили к этой должности. Директора же Департамента полиции того времени также не имели требуемого опыта или не желали портить отношения с высоким начальством [14, с. 152]. В-шестых, часть руководителей политического розыска допускали провокационные приемы в своей работе. В-седьмых, некоторые чины полиции, губернских жандармских управлений и Охранных отделений были подтверждены взяточничеству. В-восьмых, из приведенных в статье выдержек индивидуальных характеристик руководителей и ведущих работников политического розыска, в том числе министров внутренних дел и их товарищей, предстает весьма нелицееприятная картина личных и деловых качеств некоторых из них. Это и беспричинность, неразборчивость в использовании средств и людей, годных на все руки для достижения целей, и небережное отношение к агентуре, проваливание сотрудников розыска и «втирание очков» в работе, и самонадеянность, самовлюбленность, надменность, непочтение независимости в других, и надежды и мечты о наградах, повышении по должности, и проявляемые хитрость и пронырство, и подхалимство перед высшими чинами. Все это свидетельствует об отсутствии атмосферы согласия, доверия, столь необходимой в работе политических спецслужб.

Пожалуй, из всех отмеченных причин и факторов наиважнейшим, по нашему мнению, является первый. Полицейские органы, политическая полиция и политический розыск были поставлены в такие условия, что оказались не в состоянии изменить общее направление развития страны в лучшую сторону или удержать хотя бы статус-кво, предотвратить ее катастрофу, последовавшую в 1917 г.

Сказывалось и то, что, судя по всему, монархи, опутанные влиянием интересов разного рода лиц, планов, не в полной мере разбирались в их подноготных хитросплетениях, не смогли поставить дело так, чтобы информация политической полиции доходила до них как можно в большем объеме, а сами не обладали достаточным опытом в вопросах политического розыска.

Не имея полной информации политической полиции, невозможно было конкретно повлиять на ход событий, скорректировать и сориентировать на него весь правительственный аппарат, а значит, невозможно было определить четкие задачи дальнейшего развития страны и деятельности спецслужб, выработать хоть какие-то механизмы, обеспечивающие продление существования страны даже на короткий период, не говоря уже о ее перспективах на будущее.

На наш взгляд, органы и политической и общей полиции России никогда не представляли из себя цельной, монолитной структуры до 1917 г. Они всегда испытывали хоть какое-то влияние или воздействие (не всегда и прямое) разных политических и общественных структур, сил, лиц. А в силу определенного недоверия, подозрительности верховной власти к спецслужбам, как в целом даже и к эlite страны, явно

проглядывается тенденция, что в государстве не была выработана и осуществлена цельная, глубоко продуманная, полновесная система по гомогенизации всех спецслужб для обеспечения ими функций безопасности страны и на какой-то определенный период и на перспективу. Складывается впечатление, что существовала несогласованность, разобщенность в деятельности спецслужб устраивала верховную власть, или она уже вообще не могла осуществлять компетентное руководство (возможно из-за всеобъемлющего кризиса, охватившего страну).

В силу отмеченного говорить об эффективной работе и роли спецслужб царской России до 1917 г. не приходится. Однако объяснения причин, почему сложилась такая ситуация, что препятствовало их полноценной работе, в силу каких обстоятельств, факторов они оказались не на высоте, на страницах журнала «Вопросы истории» обстоятельный статей с глубокими обобщениями и анализом (и даже попыток этого) не найдешь.

Казалось бы, что на основании опубликованного материала журналом «Вопросы истории» о спецслужбах России до 1917 г. трудно оценить вклад издания в освещение российской истории. Но при том, что история спецслужб дореволюционной России освещается в нем фрагментарно, без увязки со всеми периодами развития страны и самих служб, без всестороннего осмысливания их деятельности, эта информация необходима не только российским читателям, но особенно профессиональным историкам. Ибо всегда от деятельности, места, роли и эффективности работы спецслужб, их ответственности за судьбы Российского государства и его граждан зависит жизнь нашей страны.

Литература

1. Вяткин В.В. Церковная политика Анны Иоанновны // Вопросы истории. – 2010. – № 8. – С. 91–101.
2. Смыкалин А.С. Перлюстрация корреспонденции в старой и новой России // Вопросы истории. – 2010. – № 4. – С. 40–51.
3. Макарова Н.В. Архивные дела III отделения о полицейском надзоре при Николае I // Вопросы истории. – 2010. – № 10. – С. 152–156.
4. Чернова-Дёке Т.Н. Немецкие поселения на Кавказе. 1816–1914 гг. // Вопросы истории. – 2010. – № 3. – С. 92–105.
5. Тихонова А.В. Российская политика в отношении швейцарских колонистов в первой половине XIX в. // Вопросы истории. – 2010. – № 8. – С. 82–90.
6. Безаров А.Т., А.Р. Дрентельн и еврейский вопрос в начале 1880-х гг. // Вопросы истории. – 2010. – № 6. – С. 146–152.
7. Локшин А.Е. Отношение в России к сионизму в начальной период его деятельности (1897–1904) // Вопросы истории. – 2010. – № 8. – С. 64–77.
8. Зимин И.В. Генерал П.А. Черевин // Вопросы истории. – 2010. – № 6. – С. 126–142.
9. Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Борис Иванович Николаевский // Вопросы истории. – 2010. – № 8. – С. 18–45.
10. Верба И.А. В.Л. Бурцев – публицист и революционер // Вопросы истории. – 2010. – № 6. – С. 153–158.
11. Кузнецов В.Н. Революционный террор и акты экспроприации в Поволжье в начале XX в. // Вопросы истории. – 2010. – № 12. – С. 24–38.1
12. Кикнадзе В.Г. Отечественная морская радиоэлектронная разведка. 1895–1945 гг. // Вопросы истории. – 2010. – № 5. – С. 74–84.
13. Печуров С.Л., В.Г. Кикнадзе. Невидимый фронт войны на море. Отечественная морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века // Вопросы истории. – 2011. – № 4. – С. 171–172.
14. Измозик В.С. Россия начала XX в. глазами чинов политического розыска // Вопросы истории. – 2010. – № 12. – С. 150–156.